

*Николай
Алешков*

Родился (1945) в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комбината.

Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой.

Газетчик. Был редактором набережночелнинской городской газеты «Время», а также редактором межрегиональной литературной газеты «Звезда полей».

В 1982 году закончил заочное отделение Литературного института

им. А. М. Горького. В 1984 году принят в Союз писателей СССР.

Автор восьми книг стихов. Живёт в Набережных Челнах

**Я о любви
твоей,
как о воде
протекающей,
вспоминаю**

Август в Лаишеве

Птиц щебетанье в прибрежных кустах,
тёплого ветра душистые волны
и поцелуй на желанных устах
то ли на Каме, а то ли на Волге*.

Что ещё надо? Люблю тебя, жизнь!
Лето уходит, свечой догорая.
Ангел небесный, ещё покружись,
в прятки с листвой на закате играя.

Ты от напастей меня бережёшь,
нежно потворствуя райским забавам...
Вдруг пробежит августейшая дрожь
по перелескам, по волнам и травам.

Первые капли грибного дождя
забарабанят по листьям капризно.
Что я запомню, навек уходя
от берегов «задремавшей Отчизны»?

Птиц щебетанье в прибрежных кустах
то ли на Каме, а то ли на Волге
и поцелуй на желанных устах.
Долгий...

---

* Городок Лаишево находится на слиянии двух рек.

Да, скифы мы...

Александр Блок

К чистому морю (такая история)
манит и манит меня Евпатория.

За Евпаторией степи ковыльные,
древние тропы – забытые, пыльные.

Там археологи (времечко летнее),
пыль разгребая, разбудят столетия.

Здравствуй, прародина, скифская вольница!
Ветром развей мне волнистые волосы.

Что же припомнится? Все мы язычники.
Это потом – голубые наличники

в сёлах славянских за Камой и Волгою,
утро в лугах – сенокосное, волглое...

Память уносит под солнце палящее –
конницу вижу, над степью летящую.

Крики гортанные, стрелы калёные,
потные кони, как море, солёные.

Землю охаживать – дело не царское.
Непререкаема воля татарская.

Эй, полонянка! Зря смотришь с опаскою.
Будь мне наградой! Не силой, а ласкою

я понесу тебя к морю жемчужному,
к небу высокому, звёздному, южному...

Вдруг всплывут, как Атлантида,
эти терпкие слова:

Тарханкут, Керкинитида*...
Солнцем выжжена трава.

«Что-то слышится родное», –
говорю я невпопад...
Степь, гудящая от зноя
ровным стрёкотом цикад,

степь, пропахшая, как ладан,
море – жемчуг, бирюза.
И заглядывать не надо
Вам в счастливые глаза.

Я бродил вдоль побережья,
словно древний человек.
«Пламень чувств всё реже, реже...»
Вы на голову, как снег.

Даже море встрече радо –
солнце пляшет по волне.
Неужели это правда –
Вы приехали ко мне?

Сквозь столетия недаром
здесь оставили следы
греки, скифы и татары
у сверкающей воды.

Нам, конечно, хватит прыти –
Афродита, позови! –
со скалы отвесной прыгнуть
в бухту светлую любви.

Тарханкут жемчужной цепью
обозначит нашу крепь.
Ваши губы пахнут степью,
Вашей кожей пахнет степь.

---

* Древние названия территорий западного Крыма.

Как тебе живётся, городская лошадь?
Цокаешь подковами – слышно за версту.
И детишкам радостно, объезжая площадь,
шарики привязывать к сбруе и хвосту.

Помнишь ли, кауряя, детство тонконогое
с пастушком весёлым, с резвым табунком?
Не узнала, милая, хлеб с ладони трогая, –
с благодатной вольницей был и я знаком.

Ты сыта, ухожена. Да и мне, наверное,
грех, хоть было всякое, плакать над судьбой.
Что ж, давай обнимемся – прочь, тоска безмерная! –
о лугах нескошенных погрустим с тобой.

Памяти Леонида Остапенко

Солнце печёт ли, засвищет ли вьюга, –
в лютый мороз и в любую жару
дятел стучит над могилою друга
в Тарловском светлом сосновом бору.

Вспомню бывшее, сорву подорожник.
Друг, твой талант в сыновьях не угас!
Как тебе в вечном приюте, художник?
Мне здесь пока ещё верен Пегас...

Жили, стихи и картины творили,
женщин любили и пили вино.
Мало о вечном с тобой говорили,
но через нас говорило оно.

Друг, мне покуда на свете не тесно:
ангел хранит, и сияет звезда.
Если же встретимся в граде небесном,
значит, и я не умру никогда.

Ты не забыт, но с небесного круга
видишь ли – снова сады расцвели?..
Дятел стучит над могилою друга,
Годы считает кукушка вдали.

Люблю смотреть на тихую реку,
на облака, плывущие над нею.
Уже давно нагуливать тоску
по женщине далёкой я не смею.

А светлую печаль, река, развей!
Иная жизнь – и женщина иная.
Возврата нет. Я о любви твоей,
как о воде протекшей вспоминаю...

Плохое уходит. Печаль остаётся.
Она, как подруга, в беде познаётся.
Она, как подруга, покуда живу я,
и плачет со мной, и со мною смеётся.

В начале века разбудили спящих
драконов – к свету вырвались из тьмы.
Двадцатый век сыграл недавно в ящик.
Узнать бы – для чего остались мы.

Верю: меня в старика утомлённого
жизнь не согнёт до последнего дня.
Карие очи в мальчишку влюблённого
страстью своей превращают меня.

